

И.Н. Коноводов

Казачий Народ

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Н. Коноводов**
Казачий Народ: Часть 1 / И.Н. Коноводов – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2023. – 146 с.

ISBN 978-5-8850-7458-2

Коноводов И. Н. Казачий народ Издание Казачье-Американского Народного Союза, США. 1965 г. Пылливость казачей молодежи была большая, а Казачьей Истории не было, - она запрещалась весьма строго. Старики туманно говорили, что один казак-есаул не то Порохов, не то Порошин - времен войны казаков с Турцией за обладание крепостью Азова - написал историю об этом, но был арестован, сослан в Сибирь на каторгу, где и погиб. Другой ученый казак В. Сухоруков - времен "отечественной войны" тоже подвергся аресту и высылке на Кавказ, а с Кавказа его гоняли по всем фронтам действующей армии до самой смерти. Казачья молодежь мучилась и стремилась познать свою родную Казачью Историю. Вот к этому то делу я и приступаю в своем труде "О Казачьем Народе".

ISBN 978-5-8850-7458-2

© Lennex Corp, 2023
© И.Н. Коноводов, 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Все известно, что ни одному из историков не удалось написать Всеобщую Историю, охватывающую все народы земного шара. Попытка историка Моисея иудейского изложить Всемирную историю, оказалась лишь прообразом воображения и литературного творчества, в стиле сказки. Проникновенные писатели Давид и Соломон, а также пророки ничего о прошлой жизни народов не внесли новых откровений, ибо "Начало Начал" Вселенной до времени "скрыто Великой тайной". Также и последующие историки, начиная с Геродота, считающегося "отцом истории", Страбона и др. дали исторические сведения, на основании данных предшественников прошлого: записей, сказаний, преданий, легенд, мифов, дополняя лишь фактами их времени. Таким образом, прошлое пополнилось последующим, но это не значит, что их исследовательская работа-результат компиляции/переписывание чужих трудов/. Нет, записанное прошлое уже вошло в природу и стало самой природой, а поэтому последователей нельзя обвинять в своеобразном эгоизме использования трудов предшественников, - они берут уже от установившейся исторической природы, как из источника природной ключевой воды. Так я я, скроинный публицист, а не историк, из ряда исторических фактов, описанных большими и средними историками античных времен и современных, беру их инвент-эссенцию и вырисовываю свой труд, приводя все известия и факты, обычно разрозненные, в систематическую стройность, в их хронологическом порядке от древности до современности, склонная благодарно своею голоду перед могилами уведших в иной мир.

Особенно благоговейное почитание возношу великому Византийскому императору Константину Багрянородному, который точно указал древнюю страну на Кавказе наших казачьих предков, под наименованием "КАЗАКЦИЯ". Глубоко благодарен историкам: персидским, арабским, по главе с Масуди, немецкому Шереру, французам: Лесюру, Мишю Девису, англичанам Флетчеру, Кляпроту и др.; благодарен также и русским, не потерявшим свою совесть: Григорьеву, Устрялову, Соловьеву, Лезнину, Радлову. Особенно память знаменитого языковеда академика Н. Я. Марра, доказавшего, что имя "Казак" определено на чистой основе "Каз" и что "Казехи" - предки Казанков, что подтверждают и современные археологи: Руденко, Тышневич и др. С большим уважением отношусь к маститому археологу профессору М. А. Миллеру, осветившему духовный мир Востока, в эпоху великого переселения народов с Востока на Запад. Не забываю почитать и своих Донцов: А. Попова, Быкадорова, Буданова. Благодарен даже тем историкам Москвы, пронизанным провинцизмом и злыми чувствами крепостников, мечом отравленным проносящих недостойными эпитетами свободолюбивый Казачий народ и тем освещающие ярко московский рабовладельческий мир, как контраст свободе Казаков. Имя их Забелин и поляк Броневский, изменивший своей родине Польше и ставший холопом Москвы.

Не смущаюсь перед гневом теней, уведших в иной мир деспотов: князей, царей и духовных руководителей Московской Церкви за свою гражданскую смелость их воскрешения перед духовным взором читателей и, придерживаясь объективного сочетания исторического реализма и романтики прошлого, покажу в своем труде и своих, по происхождению Казаков, предателей. Да познают потомки Казачьего народа историческую Истину и Правду.

Франция.

Генерал И. К. Коноводов.

ПРЕДИСЛОВИЕ .

Еще на скамье реального училища, изучая русскую историю, имея почти всегда папки, я, однако, недоумевал: почему же в средне-учебных заведениях не преподают и Кавказскую историю. Долго я боролся с соблазном, но, наконец, спросил преподавателя истории москвича о этом. Он, мило улыбаясь, как первому ученику, сказал: "да зачем это какая-то отдельная Кавказская история, - ведь казаки есть русские люди, а русским людям нужна правдивая русская история величайшей Российской империи. А что казаков назвали казаками, так это по их военному сословию, как и у русских есть сословия: драгун, улан, гусар, гвардейцев... Опечаленный и отшел от этого московского "просветителя".

Приехав на каннкулы в имение своего родного деда, родившегося в 1809 году - Кавказского полка, прекрасного грамотного, много видевшего на своем веку, и он раз, яснил мне, что Кавказская История строго запрещена правительством, что ему приходилось встречаться с Войсковым Старшиной В. Сухоруковым, в старке генерала Паскевича на Кавказе, что историк Сухоруков, казак с высшим образованием, написал историю Донского Войска, но ее арестовали, самого Сухорукова выслали на Кавказ в армию под надзор. С Кавказа его гоняли в Финляндию, на Турецкий фронт, затем опять на Кавказ, и до тех пор гоняли, пока он и умер, вдали от родного Дона, куда и, езд ему был строго воспрещен.

После этого в мою душу вошла какая-то заноза; временами она загибалась радостью надежд юных лет, то вновь давала чувствовать свои уколы.

В 1904 году мне пришлось быть викаром на традиционном торжестве, в городе ЧЕРКАССКЕ, по случаю ежегодных воспоминаний о грандиозных сражениях Казаков с Турками за обладание крепостью Азова. После великодушного парада и торжественного молебна в Соборе, собрались казаки низовых станиц - разместились на в самом старом городе, в на зеленом лугу, на берегу Дона, в раскинутых палатках и около расставленных широко столов, и Тихий Дон загулял, - старинные песни понеслись по Дону...

На следующий день я посетил Собор. Он был открыт, молящихся еще не было, в ожидании панихиды. Ктитор Собора показал мне достопримечательности его. Меня поразили великолепные иконы греческого старинного письма, крашенные в специальных застекленных столах. Таких драгоценностей: бриллиантов, алмазов, сапфиров, рубинов и др. драгоценных камней, в таком громадном количестве окаймлявших эти иконы - жертвы казаков в веках, я не видел впоследствии ни в Петербурге, ни в Москве, а только в Соборе Лурде во Франции.

Выходя из запы Собора, я увидел в притворе Собора глубокого старика, который стоял, обратившись к стене и что-то шептал и крестился. Мне это показалось странным и я, остановившись около старика, почтительно спросил: "дорогой дедушка, что же это Вы стоите около стены одинокий и молитесь, а не в самом Соборе?" Он как-то подрогнул, повернул ко мне свое светлое лицо, обрамленное белой бородой патриарха, глаза его загорелись радостным блеском, как бы перед каким то светлым видением, обнял мою голову и ласково заговорил: "скоро начнется панихида по убиенным великим Атаманам и Казакам города Азова, а вот по самому то из всех великих Атаману, панихида запрещена", и он указал пальцем на низ стены, где была вделана зацементированный громадная цепь; "вот здесь то прикован был орел Дона", глухо с рыданиями в голосе продолжал старик и замолк; затем он истово осенял себя крестным знаменем, стал на колени и благоговейно поцеловал цепь. Меня это поразило и какая то дрожь пробежала по телу, мелькнула мысль: сумасшедший... Но лицо его горело таким осенним вдохновенным взором своих чудных ласково-грустных глаз, из которых сочилась слезы, как те бриллианты, которые я только что видел на иконах, что я схватил руку старика и жалостливо спросил: "дедушка, почему же ты плачешь, дорогой!" Он дрожащим голосом ответил: "я целовал эту цепь, как Кавказскую святиню, к ней был прикован знаменитый во всей Истории Донской Атаман Степан

Тимофеевич Разин, который твердо стоял за Свободу Казачьего народа и хотел, жертвуя собой, освободить и русский народ из рабства царей, но своими же казаками Иудами был предан, и этой казачьей гордости, апостола святой Свободы, в Москве отрубили голову, чтобы затем презрительно и свободолюбивый Казачий народ в рабов. Целуй же и ты, дорогой сынок, эту цепь-святыню и таким образом мы совершим панихиду. В каком то лихорадочном состоянии я склонился и поцеловал цепь...

В притвор входили стройным шагом, во главе с есаулом Н.А.Красновым-любимцем шкеров-мои по классу товарищи, а за ними священник с хором, старые и молодые казаки, казачки, дети. Панихида началась...

Долго носила меня судьба: по стогнам России, Польше, Румынии, Болгарии, на Карпатах, в Эстонии, Лاتفии, на Кавказе, в 1913 году и начале 1914 г. побывав в Германии, изучая и этот трудолюбивый народ, удивительного порядка, народной дисциплины, поразительной чистоты не только в домах, но и на улицах я не видел даже случайно брошенной бумажки; чувствовалась в народной массе гордость своим благоустройством и гражданским достоинством, а также любовь к Родине до самопожертвования. Был неоднократно в Петербурге и Москве, где поразило меня яркое разделение народа на высших надменных и низших, рабски склоняющих свои головы. И везде и всюду за мной как тень следовала цепь Атамана Разина. Она явилась в моей судьбе, как Альфа и Омега, как жизненный университет историко-филологического факультета. Во время всеобщей конской переплюки я обехал почти всю Рязанскую губернию, и передо мной кошмарной пеленой разстилалась деревня, ее ужасающая нищета, грязь, душевная и физическая скверна, рабство, жестокость и низость, жадность, неслыханное равнодушие брата к брату, мужика к мужику. Но на этом фоне человеческого ада, однако, выступали отдельные образы такого страдания, такой праведности, такой бесконечной боли, и сквозь поруганную оскверненную человечность все же светился огонек оправдания Добра и какой-то святости души. И те случаи смерти от голода и мороза, про которые согревшие и насыщенные читали в газетах, были в деревне обычным явлением, не вызвали у многих чувства сострадания, а они ведь были живые факты, именно от голода, в самом буквальном смысле этого страшного слова. Мне приходилось видеть таких бедных старух, брошенных сыновьями на произвол судьбы, они всю жизнь недоодевшие, давно уже сухие, тощие мумии смиренно умирали.. Их было много, неблагоприятной Землей забытых людей. И когда все это видишь Зло сверху и горе снизу, то не только беспредельную жалость чувствуешь, но болит сердце, болит совесть...

В пору юности, пусть наивной, но искренней, когда души людей вообще светлы, когда на прозрачных помыслах не успевают еще осесть копоть и пыль житейской изменчивости, когда при условии низкого уровня эстетической культуры общественности, то порой возникает в душе требование к истории прошлого найти страду, что она даже, чем укрепила жизнь людей в их естественном стремлении хотя бы к элементарному счастью, какое наметила просветы в перспективе. И когда прочитаешь русскую историю, заполненную убийствами князей друг друга, военными грабительскими предприятиями, прославлением "великих деяний" князей и царей, главным образом проявляемых в порабощении других народов, то в этой кромешной тьме видишь только черные лики царей и несколько спрашиваешь, а где же Народ?, ибо его в истории не видно абсолютно: чем он жил, радовался ли под "скипетром" или рыдал, был ли горд или апатичен, пытался ли в труде найти успокоение или был ленив, поднимался ли на высоту патриотической жертвенности или падал в духовном бессилии, понимал ли красоту свободной жизни и человеческого достоинства, пытался ли закрепить этот идеал или пассивно предоставлял право сильным увеличивать планетарное рабство, молился ли он или богохульствовал, оставлял ли или рабски смирялся????

Ответы на эти волнующие душу вопросы во всей русской истории нет. И

создается, что этот закамуфлированный народ, как будто, содеялся золотых лучей Солнца, ароматов дивных цветов, не замечал великого факта прекрасной природы, не знал личного счастья и как бы отнимал от других, но и у себя право на самих себя, на свою долю земного пириества, когда не умеет и не смеет быть счастливыми и свободными, тогда естественно и к свободному творчеству не будут они иметь доступа и никто из них не станет зольным творцом культуры.

И когда вспоминаешь и своих юных друзей, близких по уму и сердцу, как они "безумно" мучительно хотели личного счастья, прекрасных черт молодого лица, женской ласки, слез любви. Чувства радости манили их и они украдкой заглядывались на красоту Божьего Мира, на развертывающуюся кругом прекрасную панораму родных полей, но в определенном настроении воспитанная мысль, в атмосфере полетического гнета слыше, а также ложная солидарность, подобная ложному стыду, толкала эту чудную, пронизанную волею молодость, в тесную "российскую" казарму, требовала отречься от счастья и презрением клеймить перли сытых людей, променявших туманы и колод ненастья на блеск пластных лучей.

И вот эти линии света и тьмы тянутся чередуясь на протяжении тысячелетия истории и искры Света все более и более гаснут...

В творчестве каждого писателя неизбежным элементом входит естественная любовь к людям, — а тем самым людям, которые в той или иной форме составляют государство и конечную цель исторического изображения. Однако, у великих талантов эпоса и драмы, она является сокровенным корнем: они как бы стыдливо охраняют ее от чужих взоров, и в своем произведении жизни похожи на природу, которая "добро и злу принимает равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева". И это, что они создали пробуждает в нас доброе чувство. Но этот внутренний свет любви и добра к людям они зажигают как бы бессознательно, и он горит у них так, что источник его остается незримым.

В произведениях же историков Московии не только фигуры озаряют светом рабовладельчества, но и прямолинейно обнаруживают откуда идут монотонные злые лучи этого страшного сияния, — т.е. всякий раз откровенно и жестоко показывают нам свои мало-прищипленные души, очарованные подарками династий. Живого человека, как земную движущую силу, в его обиденной жизни и в пылу даже сражений у этих историков трудно найти. Обрисованы лишь князья, цари, полководцы, да барабанный бой с козунгом: "гром победы раздавайся, веселися храбрый росс". А этот затурканный, загипнотизированный властью и поболми "росс", не знает даже элементарной истины: за что он умирает, оставая жену и детей голодать. В такой исторической "литературе" нет воздуха, не чувствуется дыхание Космоса и перед нами, на пространстве Московия, правители заботятся исключительно о собственных специфических делах захвата им непринадлежащего, заглушения национальных чувств других народов и насилия над ними, не дорожа абсолютно своей загадочной связью с Вселенной. Как ни широка сама по себе сфера человеческих страстей и страданий, но в сравнении с тем, что ее окружает, она кажется мелкой, замыкаясь в своем зловонии.

Для того, чтобы мы, люди, были свободны от этого упрека и себялюбия, необходимо царство наших людских интересов показывать и его существо и вечной основе и приводить его в соприкосновение с другими областями Мировой жизни, идущей по пути обще-человеческого идеала. Такого метода мышления у историков Московии не найти, ибо они-крепостники-этот метод считают ересью.

И только великий писатель немецкого происхождения Лев Толстой пытался вскрыть этот зловонный жарен, в своих лучших произведениях: "Казакки" и "Война и Мир", но московскую рабовладельческую стихию не победил. Она остается несокрушимой до сегодняшнего дня. Не пронизали эту стену "тюрьмы народов" ни великий африканец Пушкин, ни шотландец Лермонтов, ни белорусско Дос-

тоевский, ни украинец Гоголь.

Стоит тюрьма, как неприступная крепость и шарахается в испуге от нее народы Европы и Азии...

И, вот, все это виденное, прочитанное, подкрепленное долгим житейским опытом, заставило меня на склоне лет, перед близким уже полетом в иной Мир, отрываясь от прекрасной Земли, поведать родным Казакам, в особенности светлой молодежи, свой труд о "Казачьем Народе".

Да услышит она, дорогая молодежь, символический злон щели Атамана Степана Гаина!

Декабрь 1964 года.

Генерал И.Н.Коноводов, бывший Депутат
Донского Войскового Круга/Парламен-
та и Начальник В-й Донской Казачьей
дивизии.

БИОГРАФИЯ АВТОРА.

Генерал Иван Никитич Коноводов родился 19 октября 1884 года, в куторе Беленском/древний городок у подножия Донецкого кража, на берегу р.Северского Донца-район станицы Гундоровской/. Окончил 5 классов Гундоровского училища, поступил в 4-й класс Каменского реального училища. Однако, отсутствие средств у родителей, кои расходовались на содержание старшего брата Якова в учительском институте г.Белгорода, вынудили И.Н.оставить реальное училище, при переходе уже в 5-й класс и помогать отцу в хозяйстве. Однако, И.Н.занился самообразованием, и каждое воскресенье, праздники Рождества Христова, Пасха и др.просиживая за книгами. На каникулы приезжал его брат Яков и восполнял его знания, так что за 5-й класс реального училища автор выдержал экстерно. Таким же манером выдержал он и за 6-й класс, но уже через год. Для увеличения бюджета отца, И.Н.работал на шахтах Гундоровского района с конем, получая один рубль в день/тогда большие деньги/.

В 1904 г. в станицу Каменскую прибыл Начальник Новочеркасского военного училища полковник Каледин. Он очень уважал деда И.Н. за то, что он учил отца Каледина на Кавказе и помог ему выдвинуться в офицеры. И вот Каледин и уговорил деда обих братьев отдать в его распоряжение. И братья Коноводовы стали военными.

В 1908 г.И.Н.вышел в 3-й Донской казачий, Ермака Тимофеевича, полк, и на втором году получил орден Св.Станислава 3-й степени.

В 1913 в частично 1914 г.г., обладая большой зрительной памятью, был командирован в Германию для исследования границ Австрии и Германии по р.Эльбе.

В 1914 г.вышел на войну.Командовал сотней.В 1917 г.был помощником командира полка по хозяйственной части 20 полка, который и избрал его депутатом в Большой Донской Круг/Парламент/.С опасностью для жизни, когда бушевали московские/"русские"/рабы, выполнил поручение Донского Атамана ген.А.М.Каледина, потребовавшего 3-ю Донскую дивизию на Дон.С успехом провел И.Н.передовые эсклоны дивизии до ст.Усть-Медведевской через опасные места:Александровск-Царицын.

В 1917 г.был И.Н.всенародно избран командиром Донского Гундоровского революционного полка.Слово"революционного"послужило основанием получить некоторое количество винтовок от революционного комитета ст.Каменской. В последних числах января 1918 г.И.Н.поднял восстание против русских коммунистов.Бои шли почти бесперывно.Но с севера наступала армия Антонова-Овсеенко, а с запада армия прапорщика Саблина и Ворошилова.Пришлось бросить ст.Гундоровскую и полк перелезти за Донец.Послана была делегация к немцам, и при их помощи весь Донецкий Округ был очищен.В мае 1918 г.И.Н.Коноводов был избран депутатом в Круг Спасения Дона, командул одновременно своим родным полком, который за высочайшую доблесть Верховным Кругом был пожалован званием"Георгиевский".В 1918 году, в конце был назначен командиром 6-й Донской пешей бригады, а в 1919 г.начальником 8-й Донской дивизии.

За время войны с Московскими гуннами/"русскими"/, был три раза ранен и тяжело контужен всей левой части тела.За все военные деяния был пожалован орденами:Св.Станислава 3 ст.,Св.Анны 3 ст.,Св.Станислава 2 ст.,Св.Анны 2 ст.,Св.Анны 4-й ст.за храбрость,Св.Владимира 4 ст.,Св.Владимира 3 ст.,на шею и Св.Станислава 1 ст.Был представлен к Св.Анны 1 ст., но было уже поздно-заграничных представлений И.Н.не принял и своего в чин генерал-лейтенанта производства тоже, дважды от него отказывался, при Атамане П.Н.Краснове, когда ген.И.Н.Коноводовым была выведена дивизия из окружения около Борисоглебска, тяжело раненным в грудь двумя пулями и при Атамане А.П.Богатерском на Ламносе.

КНОСТЬ КАЗАНА.

Многие из нас уже забыли какой вид имели для нас люди, вещи, вся обстановка жизни на заре нашего сознания; когда младенцу, появившемуся по воле Провидения, все окружающее его представлялось миром чудес.

Мы, ведь, знали сперва один только четырехугольник своей детской, где за сундуком было много вещей: катушки от ниток, бумажки, коробки без крышек, тряпки, крыло от гуся, которым стиралась пыль. Мама наша казалась нам какой то интересной куклой, двигающейся по комнате; бегущая по комнате играющая черненькая копка похожа была на пубу пали, если бы только у зубы были глаза и хвост. Нам казалось, что мама одевает нас, кормит, укладывает спать, и это понятно, но для чего осуществляет папа-неизвестно? Он то надолго уходит, то приходит, что-то говорит на плохо понятном языке; от него всегда веет свежестью.

А за окном, на улице много пап, мам, тетей, бабушек и седоватых дедов, лошадей, коров, собачек, которые криливо что-то говорят. Для детей весь Мир обращается в сплошную детскую. Мы теперь даже представить не можем всего: кругом нас-известное, старое, примелькавшееся-диоры, лошади, погозки, коровы, собаки, люди, сады, луга с тополями, поля, хутора, станции, города. А когда то все краски бытия были свежи, все было новое, все было первое. Как далеки мы ныне от первого, исчезнувшей поры милого, дорогого, незабвенного, пленительного детства! И когда мы извлекаем из обильных слоев, накопленных за жизнь впечатлений, тогда новым светом загорается все поблекшее, и перед нами встает очаровательный детский образ.

Как эти ребята так естественны в наивности своих разговоров, в этой смене интересов, блещущих неожиданными вопросами и переходами, иногда комически серьезными, или серьезно шепелявыми душой откликами детского плача и несчастья.

Ребенок подчиняется течению собственных мыслей, своему внутреннему миру и образует этим какой-то контраст с утешениями папы, мамы, бабушки-воспитателей. Детская радость и детское горе одинаково находят в наших сердцах мягкие и нежные краски для их обласканий.

Эти маленькие существа образуют свое отдельное самобытное царство, они живут как бы в особой нравственной части света. Мы на них уже не похожи; многого в нас они не понимают. Мы над ними возвысились своей опытной душой, своим взрослым умом, и оттого наше отношение к ним подернуто дымкой нежного смешливого юмора.

Однако, населяя особую детскую республику со всей окружающей средой, они в то же время-и мы сами; они-наше прошлое, и в них растет наше будущее.

Мы были ими, и они станут нами. Оттого и производит такое своеобразное впечатление зрелище детей, эта республика, или, вернее, анархия малышей: они одновременно и крошно близки нам, и далеки по мирозерцанию от нас, именно эта игра на близком и далеком, создает забавные и чарующие эффекты детской.

Наши дети-"кудрявые дети", это-мы. Нельзя этого не сознавать тому, кто любит детей.

И можно ли наказать за вальность мальчика, когда он касается своей щекой подбородок отца, и на душе у последнего становится тепло и мягко, так мягко, как будто не одни руки, а вся душа его лежит на теплой куртке мальчика.

Так дети умиляют и тепло действуют на всякого, кто смотрит на них с высоты своего взрослого роста, своей долгой жизни, обманувшей и обманывшей.

Миниатюрные люди, впрочем, далекие грандиозные замыслы. Проникнувшись Майн-Ридом, они собираются в "Америку" и уже они не Вани, не Пети, а "бледно-

лице брата, или Монтигомы-ястребиные когти, вожди непобедимых". И они двинулись бы в поход, добывая пропитание охотой и... грабежом, но малко оставлять маму.

У человеческих миниатюр нет еще наших полнений, наших чувств то возвышенных, то пониженных, но скоро они проснутся от мечты, чтобы понять окружающую их жизнь. Ребенок доверчив к Миру и поэтому к нему родителям нужно относиться мягко и вдумчиво, направляя его шаги, еще неуверенные, по пути доблестных освободительных предков.

В доме, покауда его не посетило несчастье, бегают ребятишки: причесанные, умытые, веселые и глубоко убежденные в том, что на этом свете все обстоит благополучно и так будет продолжаться без конца, стоит только по утрам и ложась спать молиться Богу. И бедные дети усердно молятся Ему и с благоговением входят в церковь, где Он живет. Если там, при всем стремлении к серьезности, их не покидают пеловливые и грешные мысли, то они в этом неповинны и во всяком случае обоем одну искупают самым искренним раскаянием.

На страстной неделе они идут в церковь на исповедь. Но по дороге они видят дерущихся мальчишек и им тоже хотелось бы вступить в схватку, но, вспоминая проповедь священника: "любить других, как самого себя", они сдерживают порыв воинственный и начинают считать дерущихся великими грешниками и, что их нечестивые души схватят и потащат в огонь вечный. Но, если они будут слушаться родителей и подержать нищим копейки или бублики, то Бог скажет над ними и пустит их в рай...

Бог пустит детей в рай не за копейки или бублики, а за то, что душа ребенка, несмотря на свои наивные помыслы, чуткостью своей поднимается на самые высоты религиозного настроения.

Он переживает нечто глубокое. Ему, прежде всего, бросается в глаза большое распятие, а по сторонам Его Божья Мать и Иоанн Богослов. Богородица и любимый ученик Христа молча глядят на несносимые страдания Распятого и, мальчик чувствует, что он не может им помочь ни словом, ни делом, что он способен только на жалости и это глубоко волнует малыша и он видит, что Богоматерь и ученик Христа тоже жалкие и одинокие и нет вокруг, кто бы их утешил, и он не чувствует как по его розовым щекам струятся капли серебряных, теплых, солончатых слез...

Зато, как умиляет душу ребенка Исповедь!

Каждому из малышей хочется поскорее очиститься от грехов и поэтому у занавески преобразовалась пробка. Всем желательно попасть первым. И вот первого, который упорно держит свое место, - второй оттягивает его за волосы, первый оборачивается к обидчику и бьет того сечей по голове. С минуты слышится треск сечей. Но, вот, кто-то кричит: "дети, не шумите!" Битва у "рая" стихает, лишь слышны пыхтения бывших бойцов. На исповеди многого не понимают мальчишки от волнения, на вопросы священника отвечают искренне, не своим, а каким то чужим голосом, вспоминают одискую Богородицу и свою маму и им хочется плакать и просить прощенье...

Ужиться в этот вечер нельзя: завтра причащение, и хотя мальчик и закрывает глаза, мечтая, как бы хорошо было бы претерпеть мучения от какого либо Ирода, жить в пустыне, питаться акридами, но перед этим хотя бы скушать один пирожок с кнелой капустой...

Но доверчивость ребенка к жизни скоро начинает колебаться. С невыразимой печалью нужно отметить то горькое недоумение, какое испытывает ребенок при столкновении с пошлостью и жестокостью взрослых людей, с трагизмом Судьбы. Мучительно видеть, как происходит неумолимое искажение "малых сих". Неотразимое пошлое влияние гнетет их и искра Божья гаснет в их сердцах и они сплошь и рядом вырастают в отравленной среде и пополняют собой провинциальную толпу человечества.

Жизнь вынуждена перед детьми. Она туманит эти чистые кристаллы. Не их дунула жизнь, что в ней есть злобещего. И загорятся ли в их молодых сердцах

пек прежние, ясные, искромётные огоньки? Да! Если их родители окажутся достойными своего высокого назначения!

Мальчик, рождённый от казака, помнит ярко незабвенную сцену, когда отец, с дикущим лицом, впервые посадил его на коня. Радости, восхищения не было конца. Он цепко ухватился за гриву, когда отец стал проводить коня по двору, сперва шагом, а затем легкой рысцой. Соажирая сына на землю, отец торжественно сказал: "будь казаком!" Что такое Казак? — в шюй голове не укладывалось, но должно быть Казак — это что то величественное, и мальчик бежит к седенькому дедушке, который все видит и все знает и тот рассказывает внуку о бывлом Казачьего народа.

Вдумчивые, впечатлительные и любознательные дети, если им рассказывать родную казачью историю, как сказку, запоминают до деталей все услышанное на всю свою жизнь.

В школе, на большой перемене, когда детвора, рассыпавшись по двору веселиться разнообразными играми, какие то дерзкие мальчишки, видя ложность в движениях казачат и завидуя им, кричат: "да вы, ведь, не казаки, а русские холопы". Таких обычно окружают, тормозят, требуя ответа, что такое "холопы"? Те, обычно струсив, все же говорят: "а вы спросите учителя и он вам скажет, а мы говорим правду. Толпа возбужденных казачат движется к учительской. На вопрос их, учителя русского происхождения, обычно об, являет, что казаки действительно бежали от русских одмовольно, украдки, а слово "холоп" — слуга-работник плохого поведения, что некоторые "холопы" были вроде разбойников. "Тогда казачата кричат: "так зачем же вы-русский приехали к разбойникам? Казаки работают больше русских лентяев и среди нас не было и нет разбойников!" Учитель, грозя, что за поведение он поставит тройку вместо пятерки, уходит и затворяется в учительской, где слышен спор казачьих и русского учителей.

После таких инцидентов, игра во дворе принимает своеобразный характер — расслоения на группы, дразнящие друг друга. Так, русские кричат на казачат: "Эй, вы-Чига бостропузая/Чиги-народ казказского происхождения/", а казачата отвечают: "Эй! делти с подковерками и грязными дырками/лапти из дребесины Липы, заменлют у русских ботинки/". Некоторые украинские дети принимали участие по стороне русских, а потому и они получали свое.

Таким образом, в школе со смешанным населением, пробуждались национальные чувства по группам.

На этой почве происходили в праздничные дни ожесточенные драки, и стальной администрации приходилось разбирать дела "боевых сражений", когда в результате оказывались исключенные.

Но, вот, наступили, наконец, тихие летние ночи. Казачата любили ту природу бесконечных родных полей и те часы, когда накануне Праздника собираются отдыхать в поле, и садь, и солнце, — отдыхать, быть может молиться. А казачата и не думают отдыхать — у них свои планы. Накануне избранный "Походный Атаман" об, явил приказ казачатам хутора к вечеру собираться на выгоне, чтобы всем двинуться в поход в "ночное" — части утомленных за неделю верных казаку друзей-коней. Каким чувством восторгов билась шине сердца при этих оборах: наспех в сумках клалась еднь, главным образом, хлеб, сало, шпено. Ведь вкуснейшей полевой каше с салом, на свежем воздухе, приправленной разболтанными яйцами, нет в мире другой пищи.

Пужак "ночного", обычно держался в большом секрете. Знал это только лишь один "Атаман", да подручный ему "есаул". Шум и разговоры, впрядь до приезда до желательного участка, строго воспределалось, чтобы кто не узнал в каком направлении пошла колонна. Обычно даже избегали дорог. Ехали на неоседленных конях по траве тихо, безшумно, ориентируясь по звездам.

Ночью мир являет иное зрелище. Ночью мир не похож на дневной. Тогда спадает с него денная как бы одежда, и он становится глубже и таинственнее; вместе со звездами ярче и чище загораются огоньки человеческих сердец, —

ведь настоящая, самая интересная жизнь у каждого проходит под покровом тайны, хотя бы в мечтах даже, под покровом ночи. Ночью Земля принимает загадочные очертания, и все будничные предметы дупа одевает в идеальные покровы. Далекие огни в поле напоминают загарь филистимлян; мнутся на буграх и курганах мифические педиканты в панцирях, египетские колесницы, запряженные шестерками диких, бешеных коней. В сознании чередуются рисунки и сцены из свяденной истории. Сближаются, как будто, настоящее и прошлое. Сдиноккий огонь костра бросает свой мистический свет на далекое, на ушедшее в былое; воскресается памятная Миру ночь в Гефесманском саду. Тихий-тихий, темно-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания Петра, трижды отрекшегося от Христа...

Вокруг костра видит будущая красота Казачьего народа и она слышит пение петуха в ближайшем хуторе. Бодрые, веселые, пылкие. Ведутся рассказы, слышанные от дедов; на память приходят степные легенды, все пленительные грезы, которыми живет весь мир и дышит ими, все прекрасные сказки бытия. И тогда, в глубоком голубом Небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, летящей неизвестно куда и зачем чудилось казачатам торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни. Ведь мистика ночи охватывает все живущее на мировых полях и очерчивает как коздобство.

И, вдруг, команда Атамана: "по коням!" Бегут казачата спростею к стрелоконным коням, ухватившись за гриву взлетают на коней. И вот мчитесь как ураган по полю батага добрых молодцев, только ветер облетит в ухах, да шумит под ногами коней грапа, как плещущаясь море. Несутся все за Атаманом в район ближайших хуторов, где по слухам, расположены большие площади бахчей с кусочками сладкими, как мед, арбузами и дынями.

Приблизившись к пункту военных операций, "войско" спешилось, обычно в лодине, оставляя коней на полевые конюшоды по три коня на человека, остальные пепком рассыпались длинной по фронту лавой. Вел их сам Атаман впереди, который строго следил за тем, чтобы "войны" собирали в торбы арбузы с тех участков бахчи, которые были пошире других-побогаче. Небольшие участки не подвергались "реквизиции", чтобы таким образом не обидеть быть может какую-либо бедную вдову. Обычно участки размековывались линиями посаженных высоких подсолнухов, которые и давали возможность ориентировки.

Обычно на большом пространстве бахчей сидел старый столетний дед, помнящий царя Гороха и египетскую царицу Клеопатру, который давно уже потерял слух. Правда, у него хранился самопал турецких войн, и он даже стрелял горохом, не причиняя никому вреда. Да разве услышишь казаченка, когда он подползает "на пузе", подобно кошки.

Но, вот, послышался глуховатый крик сзади, - это Атаман подает знак лаве отходить к конюшодам с тяжелыми торбами.

В самосознании не только ребят, но и во всем казачьем населении эти "походы" не считались воровством или грабежом, а наоборот молодечеством и удачеством.

Ведь площади одних бахчей в Казачьей Земле, равнялись площади Гельгии в Голландии вместе зяктых. Обилие арбузов и дынь, а также гарбузов/кабачков, тыкв/было колоссальное. Излишки шли на корм лошадей, коров, свиней. Продавать было некому, разве только приедет какой-либо москочит/"русский"/и, купив целую арбу за бесценок, отправляет арбузы в города по железной дороге.

Только одни Кубанские казаки оказывались более рачительными: в громадных котлах за станцией варили арбузный мед, называемый "мардем". Донцы же любили арбузы засаливать в капусте, в громадных бочках. Соленый арбуз, при песенках на праздниках Рождества и Масленицы, когда водка лилась рекой, считался деликатесом, отрезивающей закуской, ибо кислота, соединяясь химически с алкоголем, дает в результате поду.